
С. В. ПРОЖОГИНА

**ДУАЛЬНОСТЬ ВОСТОКА И ЗАПАДА:
ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ
И ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ
В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ**

Литература как искусство Слова по-своему отражает окружающий мир во всех его проявлениях, связанных и с историческим, и с социальным, и с общекультурным контекстом, так или иначе влияющим на психологию и автора, и героев его произведений. Эпоха колониальных захватов, усиливающийся интерес Запада к Востоку породили особый тип искусства, связанного с понятием «ориентализм», чаще выступавший в стилизованном пространстве, служа неким «орнаментализмом» для романтических (или сентименталистских) настроений авторов и их намерений представить свой Восток Западу. Попутно возникавшая ориенталистика как наука о Востоке была уже связана с реальными явлениями в многообразии восточных культур и традиций своего мироустройства на Востоке. В этом плане Франция и захваченные ею страны западной оконечности Северной Африки (Алжир, Марокко, Тунис) дают возможности для расширения понятий «ориентализм» и «оксидентализм». Постепенно сформировавшаяся в эпоху колониализма в недрах Магриба собственная литература этнических магрибинцев стала не только продуктом национальной истории своих народов, но и особым национально окрашенным ответом французскому литературному ориентализму в хорошо усвоенной оксидентальной форме культуры (франкоязычие способствовало этому) на вопрос, что такое Восток реальный, и надолго вошла в сферу и самой французской ориенталистики. Эволюционировав в странах Магриба, литературное магрибинское франкоязычие существует сегодня и во Франции, уже в поле ее современной культуры, заметное, как и общественная жизнь этой страны, «ориентализованная» во многих сферах. Оксидентализированные эмигранты и осевшие на Западе иммигранты – этнические магрибинцы, так или иначе влияя на мироустройство Франции (демография, экономика, политика, культура), сохраняют, тем не менее, и свою собственно-восточную идентичность (бикультурность ее не разрушает), проявляемую и в оценке окружающей реальности, и в стремлении сохранить самобытность соотечественников в условиях

*Историческая психология и социология истории 1/2022 163–180
DOI: 10.30884/ipsi/2022.01.09*

глобализации. Все отмеченные явления эволюции современных культур и литератур Востока и Запада позволяют дифференцировать такие понятия, как «ориентализм», «африканизм», «оксидентализм» и все оттенки их смыслов в реальных наблюдениях и целеполагающих проявлениях в их соотнесенности с национальными традициями и современными новациями. Это обеспечивает возможность объективного изучения и Востока, и Запада во всем разнообразии их взаимовлияний, взаимодействия, взаимоотталкивания и взаимодополнительности.

Ключевые слова: искусство Слова, ориентализм колониальной литературы Франции, оксидентализм магрибинского литературного франкоязычия, ориентализация культурного поля Запада в постколониальной современности, оксидентализация литературы этнических магрибинцев в транснациональном пространстве, традиция и новации, восточно-западные взаимовлияния и взаимонеобходимости.

Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут...
Но нет Востока и Запада нет,
Что племя, что род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
У края земли встает...

Р. Киплинг

I. В искусстве слова по-своему отражается реальность окружающего мира – порой даже вымышленная, воображаемая. Но чаще во всем многообразии ее действительных смыслов, типизируемых, обобщаемых писателями, естественно, в данных им ощущениях всего происходящего в реальности. Современная культура и литература в странах Востока и Запада дают немалые возможности для сравнения таких понятий, как ориентализм, ориенталистика в их пространственной – географической – трансформации и порой возникновения сопутствующих им понятий, таких как «оксидентализм» и «оксиденталистика», «африканизм» и «африканистика», и даже порой возникающая «ориентализация» Запада внутри культур самих стран Востока.

Восток и Запад как категории противоположные уже давно «сошли со своих мест» (если использовать образ Р. Киплинга) и изучаются в возможностях, вероятностях, необходимости и реалиях своего соприкосновения, пересечения, взаимосвязей, взаимо-

влияний и взаимоотталкиваний. И жесткий каркас установившейся когда-то терминологии порой мешает объективному обзору окружающей действительности стран и Европы, и Азии, и Африки, так или иначе связанной не только с политикой, экономикой, но и с культурой, с искусством во всех его проявлениях и наукой о нем.

II. Наше внимание давно было привлечено к пониманию литературы Франции в эпоху колониализма и возникшего в ней течения ориентализма как особого рода орнаментализма в разных формах повествования **о Востоке** в целом (Африке, Индии и других странах). И не только в художественном способе и опыте знакомства и освоения чужой, загадочной, экзотической, манящей и «непознаваемой», а порой даже и «враждебной» в своих обычаях, обрядах, ритуалах, в совокупности всей своей жизни Востока по законам Традиции и Заветов предков, но и в почти документальной мемуаристике путешественников, в дневниковых записях военных из различных экспедиционных корпусов, в наблюдениях этнографов и отважных миссионеров-монахов – собирателей фольклора и лингвистических особенностей разных восточных стран. Во французской культуре как яркие образцы встают такие имена, как А. Доде, Ш. Монтескье, Г. Флобер, П. Лоти, Г. де Мопассан, А. Рембо, П. Гоген, Г. Берлиоз и многие-многие другие (см.: Lebel 1931; Memmi 1966; Déjeux 1962; Демкина, Прожогина 1993; Ляховская 2015). В этой связи можно упомянуть об ориентализме и в немецкой классике, и в английской, и в русской – не только в прозе, поэзии, но и в музыке. Это течение было свойственно и многим португальским писателям, которых интересовали колонии своей страны в Африке и на западном побережье Индии¹. В этом плане наше понимание орнаментализма не отличается от концепции Э. Саида (см.: Саид 2006).

Давно пробудившийся интерес Запада к Востоку, начатая разными колонизаторами экспансия и колониальные захваты в Африке, Азии и Латинской Америке со временем породили особый пласт так называемой «колониальной литературы», сложившейся под пером французских писателей даже в особое направление², свидетельствовавшее и об амбициях «постижения другого мира»,

---

¹ См. многочисленные труды Е. А. Ряузовой по истории и современному развитию португалоязычных литератур стран Африки.

² Подробнее см. в главах, написанных мною в «Истории национальных литератур стран Магриба».

и о возможностях проникновения в него, и о самих намерениях колониализма не только завоевать, пленить, но и «аккультурировать туземцев», обратить их в свою конфессию, и даже порой посочувствовать им или предложить «братские объятия», создать «единый народ»³.

Однако постепенно формировалась под натиском Запада и собственная, автохтонная культура завоеванных в разных странах Африки, Азии, вызревая до определенного уровня самосознания и став в конечном счете особым продуктом национальной истории этих стран. Во французских колониях во многом навязанный, но ставший реальностью культурный билингвизм и даже трилингвизм, как, например, в Магрибе, если учесть арабский и берберский языки, привел к овладению французским языком во вполне достойной Западу форме ответа ему: созданию литературы в рамках усвоения привнесенных ценностей наследия эпох гуманизма и Просвещения. Новая художественная литература, основанная на собственном знании родного Востока, стала особым типом в истории литератур Магриба, ранее принадлежавших к обширному объему средневековой арабской литературы. Новыми национальными писателями стали те, кто был носителем культуры своих народов (и арабов, и берберов), знал их традиции, обычаи, ритуалы, фольклор, песенное и танцевальное искусство с детства, владея и родными языками, и освоенным европейским. Культурная «порубежность» в эпоху колонизации пополнилась и расширилась, таким образом, за счет обретения французского языка. Для многих это стало возможностью получить европейское образование, а впоследствии и способом сказать на нем свое Слово. Поэтому внешняя оксидентализация как способ и форма художественного выражения (усвоение новых жанров, методов, стилей литературного письма) только по своему послужила обнаружению многих возможностей раскрытия и подлинной самобытности и стала голосом новой эпохи для многочисленной аудитории Запада и других регионов мира.

---

³ Яркие образцы – в творчестве осевшей в Алжире (русской по происхождению, родившейся в Швейцарии) Изабеллы Эберхардт, французов Л. Бертрана, Эм. Роблеса и др., в исследованиях профессора Сорбонны Ги Дюга, а также в лозунгах 50–60-х гг. французских коммунистов, немало сделавших для национально-освободительного движения народов Магриба за независимость.

Литературное франкоязычие магрибинцев – не единственный феномен такого рода, к нему можно присоединить и литературное франкоязычие Конго, Мали, Нигера, Сенегала, Гвинеи, Вьетнама, и португалоязычную литературу Кабо-Верде, Мозамбика, Анголы, а также англоязычную литературу стран Африки (ЮАР, Нигерия, Кения, Танзания), Индии и испаноязычную литературу Филиппин⁴. Разность была разве что в этапах эволюции европоязычных литератур стран Азии и Африки как следствия эпох колониальных захватов.

Таким образом, колониальная литература **о** Востоке и даже **на** Востоке (в колониальном обществе возникала порой, как, например, в Марокко, Алжире и Тунисе, и особая ветвь литературы живших там издавна французов, претендовавших на отделение своей культуры от метрополии⁵) была вытеснена литературой **про**

⁴ См. труды В. Н. Вавилова, С. П. Картузова, И. Д. Никифоровой, Г. Я. Джугашвили, Е. А. Рязовой, Н. Д. Ляховской, Н. Ю. Ильиной, С. В. Прожогиной, А. А. Соколова, Н. С. Фроловой, основанные на тщательном изучении источников, изданные в ИМЛИ им. Горького, ИВ РАН, Институте Африки РАН, издательстве «Наука», Главной редакции восточной литературы и других издательствах начиная с середины 1960-х гг. и вплоть до настоящего времени.

⁵ См. издававшиеся французами из Алжира, Марокко и Туниса в 1930–40–50-е гг. литературные журналы (*Oasis*, *Revue Tunisienne*, *Cahiers nord-africains* и др. [как и труды Л. Бертрана, называвшего Магриб преимущественно латинским и берберским], в которых печатались и пробы пера самих магрибинцев, живших вместе с французами в одном колониальном обществе, где французские писатели охотно приобщали получивших образование во французских школах магрибинцев к «своей литературе»). Подробнее об этом см. в наших многочисленных работах об истории национального франкоязычия и образовании особой типологической общности в этой эволюционировавшей системе новой словесности магрибинцев (Прожогина 1984; 2007; 2018; Демкина, Прожогина 1993).

О роли европейского языка, доставшегося как наследие колониальной эпохи для формирования новых литератур в странах Африки, к примеру, в январе 2021 г. в интервью французскому радио два новых лауреата Гонкуровской премии (за достижения в литературе на французском языке) – марокканка Лейла Слиман и сенегалец Мохамед Мбугар Сарр – сказали почти одно и то же: «Он был для колонизированных в их борьбе за независимость, как вражеский снаряд, оставшийся на поле боя. Было бы странным, если бы мы его не подобрали. Но он взорвался как наш ответ колонизаторам. Мы пишем на их языке, но про себя, про нашу историю, про нашу жизнь. И сегодня очевидно, что за нами – будущее и самой литературы Франции». Причем оба писателя при этом сослались на известное выражение алжирца Катеба Ясина об «оружии, вырванном из рук врага» (см.: Bibliobs, публикацию интервью в «L'OBS» от 2 февраля 2022 г.).

настоящий, а не экзотический, или взывающий к сентиментализму, или настраивающий только на романтизм Восток, воссозданный со знанием и всех своих особенностей, и всех внутренних проблем и противоречий своего общества этническими магрибинцами. Ориентализм заместился и вытеснился подлинным знанием Востока (в широком смысле), войдя в арсенал той ориенталистики, которая была призвана как наука изучать Восток реальный⁶.

III. Изучение большого объема источников, касающихся такого региона, как Магриб, где три его страны – Алжир, Марокко и Тунис – тесно связаны и с историей, и с культурой, и с конфессией, и с этническим составом населения, с эпохой долгой колониальной зависимости (во всех ее формах) от одной метрополии – Франции, – и с эпохой почти одновременно начавшейся борьбы за политическую независимость, дает основание для возможностей и разграничения понятий «ориентализм» и даже «оксидентализм», «ориенталистика» и «оксиденталистика», и их взаимодополнительности, а порой – на определенном этапе – в постколониальной реальности и сопряженности всех оттенков этих понятий.

Характерным для этого является немалый пласт в пространстве литературы и культуры современного Запада, как и в эволюции собственно магрибинского литературного франкоязычия и бикультурности, наличие большого количества имен писателей, кинематографистов, театральных актеров и даже музыкантов североафриканского происхождения, определяющих и ориентализацию литературного поля самой Франции, и оксидентализацию магрибинцев, уже живущих на Западе. Возникшая в 80-е гг. XX столетия литература бёров (второго и третьего поколения североафриканских иммигрантов, осевших во Франции) свидетельствует об очевидности *сплава* (пока еще не синтеза!) культур и Востока, и Запада. Рожденные во Франции бёры очевидно оксидентальны и даже считаются гражданами Французской Республики. Однако им присущ и свой, особый, ориентальный взгляд на реальность окружающего их мира, где этнические североафриканцы, так или иначе, несмотря на все усилия политики толерантности и интеграции, все еще марги-

---

⁶ Хотя часто приходится слышать, что эта наука связана в основном с изучением культурного наследия народов Востока, с его памятниками словесности, в целом – с его Прошлым, с древними рукописями, с текстологией, с комментариями и атрибутами переводов и интерпретаций текстов культуры Прошлого.

нальны. И литературу бёров, вписанную в литературу сегодняшней Франции, можно считать одновременно и особой ветвью эволюционировавшей национальной магрибинской культуры в транснациональном пространстве⁷.

Параллельно с этим процессом в сфере культуры самой Франции, и ее науки, и ее образования, и ее спорта идет процесс и некоей ориентализации: современный французский язык, особенно в среде молодежи, полон арабизмов (все – и французы, и иммигранты, и сегодняшние эмигранты из Северной Африки – учатся в одной школе); в стране немало смешанных браков (причем сегодня именно француженки охотно выходят замуж за арабов: свои мужчины, как правило, не спешат жениться, – статистика говорит о том, что «порой до сорока лет французы неохотно идут на заключение законного брака»)⁸. В пространстве визуальных СМИ Франции давно уже виден целый ряд ведущих программ на разных каналах – не только этнических магрибинцев, но и представителей другой «цветовой» и конфессиональной гаммы. В пространстве же крупных городов Франции очень заметно многообразие разных этнических кварталов (самые населенные – североафриканские, китайские, вьетнамские). Столица Франции – особо характерная в этом плане зона, где в кварталах (или, как сегодня принято говорить, анклавах), густо населенных мусульманами, существуют и свои законы жизни, и ее новые правопорядки (своя полиция нравов). Однако такого рода этническая окрашенность, почти ставшая атрибутом многих городов не только Франции, но и других западноевропейских столиц, – свидетельство не торжества политики мультикультурализма, когда-то провозглашенной в Европе, а скорее ее краха, что оказалось чревато возможностью нередких «бунтов окраин», вспышек террора и зеркальных ответов государств Европы, во Франции – особенно частых. Но даже недавнее заявление ее президента Э. Макрона о реальной угрозе гибридной войны, которую якобы провоцируют потоки мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, угрожающие исчезновением самой западной идентично-

---

⁷ Этой проблеме специально посвящен коллективный труд Отдела сравнительного культуроведения (Национальная... 2018), где есть особый раздел по магрибинской культуре.

⁸ Можно порекомендовать совместную работу (Крылова, Прожогина 2002), где эта проблема поднимается.

сти, не остановит этих потоков, во многом спровоцированных и усиленных эпохой глобализации.

IV. Но уже во многом становящаяся со временем (процесс легализации длителен) естественной *оксидентализация* иммигрантов – язык, социальная жизнь и даже возможность достижения не самых низких уровней социального лифта (получение образования, занятость в определенных сферах искусства и даже науки, не говоря о спорте), – не исключает их полного освобождения от своих природных этноконфессиональных принадлежностей, диктующих порой и особое ощущение *себя* в пространстве Запада⁹. Мы имеем в виду не только охранение своей магрибинскости в произведениях литературы бёров, а вместе с ней их особой музыки (RAI), их радио, их влияние на сохранение самобытности этнических кварталов в больших городах Франции в целом, где всегда особенны и запахи национальной кухни (арабо-берберской), и наличие многочисленных гастрономических лавочек и косметических магазинчиков, где специально для мусульманок продаются всякого рода ароматические масла, используемые ими в качестве духов, хна для окрашивания волос, а у пожилых женщин – и ладоней, и сурьма для подведения глаз, и прочие атрибуты традиционной женской косметики. Не говоря уже об обилии (оно характерно и для сугубо африканских кварталов, где живут сенегальцы, гвинейцы, малийцы) магазинчиков по продаже привычных национальных украшений, тканей, порой особо ярких или даже просто пестрых или блестящих золотом и серебром для разного рода церемониальных нарядов – бракосочетаний, праздников обрезания младенцев и пр., когда женщинам необходимо ношение традиционных национальных одежд.

В этих кварталах всегда много молодежи, вполне уже оксидентализированной, – студентов, мелких служащих, преподавателей начальных школ, в которых много арабов и берберов, чиновников невысокого ранга. И это не мешает, но даже по-своему располагает их к общению со своей природной изначальной средой, где упорно

---

⁹ Имеется в виду выражение «*Mal de soi*», принадлежащее алжирке, вынужденной жить во Франции, – Н. Бурауи, – написавшей в 1980–90-е гг. на эту тему несколько книг, связанных с трагедией разрыва с родной землей – Алжиром – и неспособностью окончательно «врасти» в землю Франции: «*Le seisme*»; «*L'âge blessé*», «*Le poing mort*» и др. (о них подробнее см.: Memmi 2006).

и, как неоднократно было отмечено, парадоксальным образом для эпохи глобализации, воспроизводятся и охраняются самобытные национальные традиции (см.: Прожогина 2003; 2020; 2021).

Конечно, среди такой молодежи немало безработных, но это касается и молодежи французской. Безработица сегодня – большая проблема для французского общества, чреватая разными тенденциями все увеличивающегося объема, тем более что «своя среда» постоянно подпитывает формирование определенной идеологии и поведения восточной молодежи в окружающем мире. И разного рода проявления радикальных тенденций в исламе наличествуют именно среди абсолютно маргинальной арабо-берберской молодежи, вытолкнутой за пределы возможностей западного общества, а порой проникают и в среду безработной французской (нередки случаи принятия ислама французами). Для этнических североафриканцев маргинальность существования на Западе не дает сегодня никаких реальных надежд на возврат на Восток, на родину предков – там они тоже станут изгоями, поскольку, по мнению старейшин еще наличествующего там традиционного общества, вернувшиеся с Запада эмигранты давно утратили свои корни (что соответствует изречению в Коране) и стали, особенно молодые, гражданами Запада. Литературных свидетельств такого рода процессов и перспектив существования некоторой части молодежи во Франции достаточно много¹⁰.

Таким образом, Запад, ориентализируясь в процессах глобализации в своем демографическом контенте, снова чреват особыми формами ответа своих же подданных, как и в эпоху колониализма. Оксидентализация иммигрантов, принятых Западом в свое лоно выходцев с Востока, дает разные плоды. И если литература бёров плодоносит на поле культуры, то в текущей политической современности немало и других сигналов оценки Запада выходцами с Востока, свидетельствующих об их намерениях окончательно разрушить иллюзии, которые когда-то были связаны с надеждами на обретение на Западе лозунга о Свободе, Равенстве и Братстве, провозглашенного Францией в эпоху революции XVIII в. как фундамента своей цивилизации.

---

¹⁰ Яркие образцы: Ben Jelloun 1997; 2010; Dib 1998 и др. Подробнее см. в наших работах: Крылова, Прожогина 2007; 2013 и др.

V. Если продолжить эту своеобразную «игру в бисер» в рамках предложенной наукой терминологии об оппозиции «ориентализм – оксидентализм», то нельзя не отметить и некоторую ориентализацию внутри самих восточных обществ, проявляемую во взаимосвязях искусства и общественной жизни разных стран Африки, Ближнего Востока и Азии. Процессы эти небезынтересны. Так, современная арабская музыка, к примеру, звучащая во всех мусульманских странах, находится под сильным доминантным влиянием современной египетской, звучащей, как правило, не только в радиотрансляциях, но и в широко тиражированной Египтом его кинопродукции. А она, как это ни покажется странным, по-своему усвоила и традицию старинной андалусской музыки (созданной когда-то магрибинцами, жившими в Испании почти восемь столетий, вплоть до конца XV ве-ка, и естественно впитавшей в себя музыкальные традиции юга Европы), и активно заимствовала эстетику современной индийской музыки, сопровождающей бесконечные сентиментальные киносерIALы, которые тоже популярны на всем Востоке, да и повсюду в мире.

При этом в недрах самих магрибинских стран, особенно в Алжире и Марокко, продолжает звучать на государственных праздниках, различных ритуальных церемониях именно традиционно магрибинская музыка, в основном исполняемая в стиле сочетания берберских народных напевов с классической андалусийской – безнотной, передающейся в живом исполнении и запоминаемой по слуху, давно известной Магрибу, поскольку, вернувшись с юга Европы, андалусийцы осели преимущественно в странах Магриба¹¹. Это музыкальное сопровождение весьма характерно для долго длящегося на всех церемониальных уровнях особого древнего женского танца Любви (хидра), когда опытная исполнительница сидит, подогнув колени, на пятках, и только движением верхней части своего пышного тела и обнаженных плеч передает глубину любовного томления и нежной страсти.

Часто традиционные праздники в Магрибе сопровождаются звуками гортанных женских трелей и приглушенным стуком кожа-

---

¹¹ См. подробнее об этом в труде (Ланда 2005) и в нашей работе (Демкина, Прожогина 1993), где речь идет о сохраняющихся в современном Тунисе, к примеру, культурных традициях андалусийцев, что ярко отражено в творчестве Надии Гендуз.

ных барабанов, превращающимся в грохот во время праздника *фантазия*, когда происходят скачки на неоседланных лошадях мужчин, одетых в средневековые воинские облачения и выстреливающих на бегу в воздух один раз из своих кремниевых ружей.

Конечно, в рамках современных и достаточно многочисленных музыкальных фестивалей, проходящих, к примеру, в Марокко, звучат со всех площадок – и уличных, и сценических, – и рок, и рэп, и другие примеры любимой молодежью поп-культуры. Но все это, происходящее в рамках современных культур восточных народов, можно рассматривать в пределах эволюции и модернизации музыкальных традиций в парадигме их некой оксидентализации. А вот в рамках современной политической действительности неожиданно обнаруживаются некоторые особенности взаимовлияний внутри собственно восточных. Так, в 2011 г. в Тунисе произошло событие, позднее названное «жасминовой революцией», практически начатое после акта самосожжения молодым человеком, превратившим себя в живой факел как способ выражения своего решительного протеста против несправедливости окружающего его миропорядка и произвола властей, проявленного в его адрес. В культурной традиции магрибинцев акт самосожжения не существует, отсутствуя даже как способ социального или политического протеста. И известные комментаторы этого факта, повлиявшего на цепь протестов, продолжившихся по всему Магрибу и даже в Египте (и далее повсюду), отмечают в нем «явное влияние традиции индийской», якобы вдохновившей молодого тунисца, «насмотревшегося индийских кинофильмов» (см.: Ben Jelloun 2011a; 2011b).

Если же говорить о собственно магрибинском литературном франкоязычии – основе наших исследований, – то надо отметить, что писатели не просто знают, опираются, но порой и цитируют своих предшественников – зачинателей этого направления развития современной литературы в арабских странах Магриба. Среди имен – и марокканец Д. Шрайби, и алжирцы Д. Дебеш, А. Джебар, М. Диб, и тунисец А. Мемми, ставшие ориентирами, а порой и образцами творчества для поколения тех магрибинцев, которые пришли в литературу уже в конце 1960-х, 1970–80-е гг.: А. Серхана, Т. Бенджеллуна, Ф. Фареса, М. Бей, Р. Буджедры и многих других писателей и поэтов Магриба, творчество которых сегодня известно в переводе на многие языки мира. Упомянутый в этом списке Ра-

шид Буджедра известен и как поклонник средневековой арабской литературы в ее суфийском варианте (аль Халладж), и как знаток творчества алжирца Катеба Ясина – классика современной алжирской литературы, и как один из усвоивших традицию латиноамериканцев – Х. Борхеса и Г. Маркеса (достаточно вспомнить знаменитый роман Р. Буджедры «1001 год ностальгии», написанный под очевидным влиянием «Ста лет одиночества», и др.). Примеры взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния писателей стран Востока и Латинской Америки множатся. При этом в художественной литературе нельзя не только не опираться (а порой даже подражать) на образцы мировой культуры, но и не обогащать ими свои творческие возможности, оставаясь при этом особой творческой индивидуальностью, ибо последнее предполагает наличие знаний и мировой культуры.

Так что факты внутриориентального взаимовлияния имеются, и современная ориенталистика как таковая, вероятно, не может обойти их мимо, не включая в объем своего востоковедного знания. Хотя порой именно современное востоковедение (особенно та его часть, которая связана с политологией) обращает внимание на некие весьма условные формы выражения современных противоречий, существующих в реальности Востока, обуславливающих возникновение протестов против условий человеческого существования. Некоторые политические акции типа цветных революций оцениваются как современные дискурсы со всеми их нарраторами, акторами и прочими атрибутами именно оксиденталистики как таковой, прибегающей постоянно к терминам эстетики так называемого постмодернизма как якобы торжествующего повсюду в мире явления. Поэтому встречается тип изучения поэтики политики, а не реальных детерминантов последней и последствий, к которым она приводит. Поэтика, используемая как метод постижения смысла политики, приводит к поэтизации, к примеру, цветных революций, если их изучать в пределах некой цветовой гаммы, окрашивающей все их виды: революция жасминов, роз, гвоздик, тюльпанов и пр. А ведь по-своему эти реально свершившиеся бунты, часто провоцируемые Западом, – никакие не революции, а размытые и идеологически, и в плане политических задач как целевых направлений развития общества движения, хаотические, приводящие свои страны и народы лишь к растерянности, замешательству, даже смяте-

нию, к многочисленным беспорядкам и, в конечном счете, к еще более обостряющимся кризисным явлениям в экономике и политике. Тунис – яркий пример. Так что поэтика тут как метод анализа такого рода явлений ни при чем. (Поэтологический анализ, когда-то связанный с формальной оценкой любых текстов эпохи – сначала литературных, а со временем и неких философских, политических и прочих как разных типов нарративов и дискурсов, – на наш взгляд, весьма приблизителен для оценки политических явлений. Но он характерен в целом, начиная с конца 1960-х гг. вплоть до сегодняшних дней, для *оксидентальной* науки или упорно *оксидентализированной* отечественной.)

Можно еще долго играть оттенками всех смыслов и расширять семантическую амплитуду ориентализма и оксидентализма как производных и противостояния, и взаимодействия Востока и Запада. Однако можно сделать и простой вывод о том, что в сегодняшнем мире все весьма обусловлено, но порой необходимо видеть и реальные истоки происходящего.

VI. Вышеуказанное не позволяет не заметить, что ориенталистика как таковая в ориентированности своего знания Востока не может не перейти порога изучения только его прошлого и не обратиться к его живой реальности, постоянно расширяя горизонты и своего знания о том Востоке, который уже давно присутствует на Западе. Необходимость изучения в целом национальных культур и традиций стран Азии и Африки и в их истории, и в их сегодняшнем существовании в транснациональном пространстве диктуется и реальным образованием многочисленных восточных и африканских диаспор как в Европе, так и в Америке.

При этом остается уверенность в необходимости сегодня особо значимого, пристального изучения, а не аннотированного чтения именно источников, дающих знание не только о прошлом, но о сегодняшней действительности Востока. Однако Африка в трудах многих современных африканистов порой предстает как бы понаслышке или по прочтении каких-то текстов, показавшихся интересными. Африка реальная часто отсутствует в горизонтах такого рода ученых, отчего порой возникает ощущение причастности некоторых африканистов скорее к вполне орнаментальному африканизму, когда, к примеру, под пером исследователей предметом изучения становится только позитивный опыт попыток интеграции

африканцев, иммигрировавших на Запад, в его культуру, а их порой весьма субъективная мемуаристика – единственным свидетельством собственно африканских нарративов эпохи¹². (Можно попутно заметить также, что поверхностный африканизм избыточен и в возникающих сегодня мотивах «важности жизнью чернокожих», как и в приступах самоуничтожения белых, особенно в США, и в собственно африканских концепциях афроцентризма конфессионального, чем-то похожего на ранний черный национализм негритюда. Крайности, очевидно, сходятся. Нередки и проявления в сегодняшней Африке попыток бланшизации – самовыбеливания – лиц и кожи, ранее особо заметной для некоторых черных представителей культуры Америки, а ныне – для значительного количества так называемых топ-моделей, появившихся в новом африканском бизнесе. Такого рода оксидентализация, так сказать, своего естества, разумеется, влияет на сокращение жизни людей, исповедующих этого рода практики.)

Глобализация, расширившая возможности миграции, имеет свои плюсы и минусы. Но различие африканистикой хотя бы в рамках реальной общекультурной принадлежности тех или иных представителей этого континента, как и реальных проблем национальной специфичности той или иной современной африканской культуры (как не только пространства геополитической разграниченности, но и ограниченного собственно идеологической парадигмой как целеположения) было бы не излишне.

К сожалению, существуют и попытки изложений современными востоковедами – литературоведами, к примеру, – эволюции художественных систем в странах Ближнего Востока без опоры на знание реальной истории развития литературного процесса изучаемой страны. Часто идет презентация в докладах, статьях, а порой и монографиях неких случайных образцов литературы по степени их известности на Западе и получения ими той или иной престижной литературной премии. Отдельные, пусть даже показательные для какого-то рода жанрового или стилистического, тексты всегда необходимо располагать в системе эволюции художественных

---

¹² См. доклады представителей ярославской школы африканистов на конференциях, организованных в Институте Африки РАН, изданные в трудах секции гендерных исследований в 2017–2020 гг., а также книгу (Гавристова, Хохолькова 2020).

форм национальной культуры в целом со всем контекстом ее эпохи. (Иногда тщательность пересказа этих образцов только подчеркивает эту необходимость. Но этот способ – не самый печальный опыт постижения литературы Востока.) Упорная оксидентализация литературоведения (культурологии и отечественной науки в целом), особо характерная в плане лексическом, где зашкаливает западная терминология, дополняется в плане методологическом злоупотреблением многими литературоведами частым соотношением всей современной литературы Востока со всеторжествующим постмодернизмом. Тем самым обезличивается, лишается оригинальности и своеобразия усвоение писателями Востока опыта мировой литературы – не только западной, но и латиноамериканской, – в целях совершенно иных, чем были у так называемых постмодернистов. Воссоздаваемая современными писателями Востока реальность своих стран и своего ощущения в их пространстве – не столько попытки полной деконструкции мира и абсолютизации тупиков его, сколько способ его постижения и даже его преобразования¹³.

Наблюдение за особым способом презентации литературных текстов относится и к презентации на некоторых выставках и даже в музеях разных стран порой случайных для сегодняшних стран Азии и Африки единичных произведений живописи, скульптуры, кинематографа. Вполне приспособленное к условиям индустрии туризма в своих странах рынка как такового, использующего конкурентоспособность всякого рода явлений авангардизма, поп-арта, инсталляций, вполне себе являющихся действительно особо рода концентратами эстетики постмодернизма, к национальному типу искусства стран Азии и Африки имеют малое отношение, даже в аспекте особого понимания эволюции его культуры как постоянных инноваций. Искусство, как известно, – не только форма само-

---

¹³ Вообще жесткая классификация образцов современной литературы Востока, выявляющая в основном ее строгую принадлежность к тому или иному давно сложившемуся направлению в литературе Запада или к какому-то одному типу художественного метода, порой обобщенного только в его идеологической парадигме (как это было в 1970–80-е гг. в ИВ РАН в востоковедном литературоведении, отличавшемся «клейменем» модернизма в противовес социальному реализму, к примеру, – от Индии и Непала до Турции, от Египта до Ирана, от Китая и Японии до Ирака), сужает и возможности, и необходимости объективных оценок художественных текстов как таковых.

выражения художника или даже его возможностей освоения пространства мировой культуры, но прежде всего заложенного в произведение *смысла*, заявленного художником в продукте своего творчества. (На выставках, как и инсталляциях в музеях, часто случайно появляются некие загадочные, или просто абсурдные, или абстрактные произведения, с как бы заложенной в них множественностью смыслов. Понятна еще в этом плане современная абстрактная живопись, присутствующая в творчестве некоторых арабских художников: в истоке ее можно различить коранический запрет на изображение ликов людей и реалий человеческого мира как запрет на попытку подражания Творцу его. Исключение в этом плане могут составить иранская средневековая миниатюра или современный живописный портрет общественных и политических деятелей Ирана, в чем некоторые специалисты усматривают якобы заимствованную когда-то иранцами итальянскую традицию, привнесенную Дж. Беллини [1476–1510].)

Заключение

Вышеизложенное касается и современной литературы, и живописи, и скульптуры, и танца, и театра стран Востока и Запада. Как считают многочисленные исследователи, искусство в целом должно опираться прежде всего на фундамент своих традиций. Традиция, по мнению многих сегодняшних писателей Магриба, – это не пепел, но факел, особым образом освещающий путь в Будущее своего народа. Оно, надемся, связано не только с разрушением Прошлого и обновлением Настоящего, но и с его – Настоящего – созданием. А в нем очевидность того, что Восток и Запад, уже давно «сошедшие с мест своих», не только увидели «лица друг друга» во всем многообразии своих проблем, но сегодня действительно и «сошлись», и даже «стоят у края земли» – над бездной одной (если вернуться к образу Р. Киплинга).

А она, эта бездна, исполнена множеством противоречий, контрастов, попыток и уподобления друг другу, и решительных расхождений, и взаимопотребностей в своих «силах», – ценностях своих цивилизаций. Но главное – не перейти какой-то край этой «бездны», которую предвидел Поэт. И здесь человечеству поможет, наверное, образ Древа, устойчивость которого определяется тем, что у него крепок ствол, надежны корни, глубоко уходящие

в свою землю, тогда обязательно будет пышной его крона со множеством ветвей, покрытых листвой. Или даже плодами усвоения живительных соков того лучшего, что есть в этом мире.

Литература

Гавристова, Т. М., Хохолькова, Н. Е. 2020. *Африка: постколониальный дискурс*. М.: Ин-т Африки РАН.

Демкина, О. Н., Прожогина, С. В. 1993. *История национальных литератур стран Магриба*: в 3 т. М.: Вост. лит-ра.

Крылова, Н. Л., Прожогина, С. В.

2002. *«Смешанные браки»: Опыт межкультурного общения*. М.: Ин-т Африки РАН.

2007. *Женщина и Чужбина*. М.: Ин-т Африки РАН.

2013. *Путь к себе (проблемы самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада)*. М.: Ин-т Африки РАН.

Ланда, Р. Г. 2005. *История арабских стран*. М.: Восточный университет.

Ляховская, Н. Д. 2015. *Образы Африки во французской литературе XIX–XX веков*. М.: ИМЛИ РАН.

Национальная культура в транснациональном пространстве. Труды Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 9. М.: ИВ РАН.

Прожогина, С. В.

1984. *Рубеж эпох – рубеж культур (Проблемы типологии литературы на французском языке в странах Северной Африки)*. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры.

2007. *Магрибинский роман*. М.: ИВ РАН.

2018. *Магрибинские лейтмотивы*. М.: Белый ветер.

2003. *Восток на Западе (Иммигрантские истории – II)*. М.: ИВ РАН.

2020. *Обречение Авеля*. М.: ИВ РАН.

2021. *Время не жить и время не умирать*. М.: ИВ РАН.

Саид, Э. 2006. *Ориентализм. Западная концепция Востока*. СПб.: Мир.

Ben Jelloun, T.

1997. *Les yeux baissés*. Paris: POINTS.

2010. *Au pays*. Paris: Gallimard.

2011a. *“La rivoluzione dei gelsomini”. Il risveglio della dignità araba*. Milano: Bompiani.

2011b. *Par le feu*. Paris: Gallimard.

Déjeux, J. 1962. *La littérature Maghrébine*. Paris.

Dib, M. 1998. Si Diable le veut. Paris: Le Grand Livre du mois.

Lebel, R. 1931. *Histoire de la littérature colonial en France*. Paris.

Memmi, A.

1966. *Anthologie des écrivains français du Maghreb et des écrivains Maghrébins d'expression française*. Paris.

2006. *Le portrait du décolonisé*. Paris.